

Марченко, В. Афганистан: разведка ВДВ в действии : документальная повесть / В. Марченко // Витебские вести. – 2017. – 26 янв. – С. 21 ; 2 февр. – с. 21 ; 16 февр. – С. 21 ; 23 февр. – С. 21.

АФГАНИСТАН: РАЗВЕДКА ВДВ В ДЕЙСТВИИ

(документальная повесть)

Справка «ВВ»

Валерий Марченко дважды в периоды 1979–1981 и 1987–1989 годов принимал участие в боевых действиях в Республике Афганистан, где командовал разведывательным взводом 80-й отдельной разведывательной роты 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, разведывательной ротой 350-го гвардейского парашютно-десантного полка, 3-м парашютно-десантным батальоном 317-го гвардейского парашютно-десантного полка, отдельным гарнизоном советских войск в Афганистане «Шахджой».

Награжден двумя орденами Красной Звезды, орденом Красного Знамени Республики Афганистан, медалями.

ВРЕМЯ ВЫБРАЛО НАС

Уважаемые читатели! На страницах областной газеты «Витебские вести» вам предлагаются новые главы из книги афганского цикла «Афган: разведка ВДВ в действии» о событиях двух последних лет войны. Я офицер разведки ВДВ, поэтому акцент содержания книги смещен на действия разведчиков 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, справедливо получившей звание «Витебской», при выполнении специальных заданий в Афганистане. В боях с мятежной оппозицией, зарождавшимся террористическим движением «Талибан» разведчики Воздушно-десантных войск, проявив волю к победе и стремление к результату, снискали уважение командования Вооруженных Сил СССР, признательность советского народа. Ведение разведки, налеты, засады, бои в кишлачных и зеленых массивах, участие в рейдовых операциях – вот неполный перечень боевого применения разведчиков ВДВ в многолетней афганской войне, в которой нам запрещалось гибнуть – даже геройской смертью!

Погибнуть в тылу противника несложно. Один неверный шаг и жестокий враг порубит на куски! Но выполнить задание и вернуться живым на базу – подвиг во имя следующих подвигов. Так жили и воевали на афганской земле разведчики Воздушно-десантных войск. Их мастерство в боевых операциях ковалось офицерским составом, окончившим Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище старейшую кузницу командирских кадров. Там преподаватели-фронтовики учили курсантов тактике действий десантников в тылу противника, огневому мастерству, дерзости, решимости, отваге. Затем эти качества мы, офицеры, прививали подчиненным, воспитывая в них тактическое мышление, творческий подход к выполнению заданий, понимание с полувзгляда, полужеста, по мимике. Профессиональные качества разведчиков шлифовались командирами внутри разведывательных групп с помощью создания климата психологической совместимости, доверия, взаимовыручки. Такой подход обеспечивал необходимый результат – ни одного разведчика в течение афганской войны мы не оставили «духам»!

НА ВТОРОЙ ЗАХОД

Звезда Востока – Ташкент – просыпался, купаясь в тиши предрассветной прохлады. «Невозможно постигнуть Восток, не познав ислам. Мало сказать, что ислам – религия, – размышлял капитан Бердников, – это жизнь правоверных: мировоззрение, быт, культура, мышление, поступки – подчинение Аллаху! Ислам – религия закона! Предначертание к вечной жизни! С появившейся полоской зари с минаретов мечетей раздается призыв муэдзина: «На молитву! Обретайте успех! Молитва лучше, чем сон!»

Служба в разведке Воздушно-десантных войск с самого начала афганской войны приоткрыла молодому офицеру понимание вещей, непостижимых для представителя современной цивилизации. Оказалось, мусульмане впитывают суры Корана с молоком матери, причем не приемлют иных воззрений, отличных от норм, заложенных Всевышним.

Задавшись вопросом: «Что значит война глазами мусульманина?», Александр пришел в ужас от ответа, полученного на допросах душманов, в беседах с простыми афганцами – «духами» по сути своей. Война для народов Старого и Нового Света была, есть и будет страданием, горем, бедой, несущей смерть, разрушение, упадок, но на войну по-иному смотрит афганское многоплеменное сообщество.

В силу ментальности, зависимости от религии, сложившихся межнациональных традиций, мусульмане рассматривают войну как инструмент, дарующий роду, клану, племени жизнь, подчиненную борьбе с гяурами. В намазах мулла вдохновляет правоверных к принятию высшего духовного постулата: война с неверными – жизненный путь на земле, приводящий к вечному блаженству – в рай.

Как не вспомнить Бердникову полевого командира отряда афганской оппозиции Тахир Хана, воевавшего с советскими войсками в провинции Пактика в 1980-м – во время первой командировки Александра в Афганистан? На допросе им была высказана ключевая мысль о внутреннем мире соплеменников: «Наши люди очень религиозны, ненавидят чужаков, они моджахеды – любят войну». Причем с улыбкой добавил: «У нас с шурави разные взгляды на убийства и смерть. В отличие от русских нас не мучают ночами кровавые кошмары». На этой изуверской философии вначале 80-х формировались силы афганского сопротивления, объединившиеся вскоре единым фронтом в борьбе с советскими войсками...

– Прикурим, капитан?

Александр быстро собрался с мыслями. Перед Бердниковым нарисовался старший лейтенант с эмблемами артиллериста на петлицах, впечатлив Александра опухшим с перепоя небритым лицом. Ночь, проведенная офицером на пересылке в Ташкенте перед отправкой за реку, по-видимому, была бурной.

– Не курю! Не научился!

– А что? Слабо, десантура? – икнув, поинтересовался «старлей».

– Слабо-то – что?

– Ну, туда?

Затевать разговор с полупьяным интернационалистом, возвращавшимся из отпуска – бессмысленное дело, и Александру было не до веселья, разве что просто убить время до посадки в самолет.

«Старлею» же, мнившему себя героем афганской войны, хотелось выговориться, услышать в свой адрес сочувствие или, наоборот, поскандалить перед отлетом в Кабул.

– Вроде наш и не наш! – между тем буркнул «старлей», изучая Бердникова залитыми водкой глазами. – Чистый, бледный – не наш!

– Орден на кителе! Выходит, хм – наш! – удивился вояка собственным выводам.

Пожимая плечами от не складывавшихся в логическую цепочку умозаключений, озадаченный «старлей» спросил:

– Ты кто, капитан?

Надо вводить парня в курс дела, решил Бердников.

– Я не ваш и не их, «старлей», – кивнул Александр на сидевших у бордюра «рулежки» заменщиков. – Сам по себе, парниша! Ты это понял?

Тот удивился, но все еще пытался найти ответ на будораживший его вопрос: свой капитан или все же – не свой? Бердников, не теряя времени на пустой разговор, перевел его в завершающую фазу.

– Не мучайся, «старлей»! Не угадаешь! Через речку гребу по второму разу! Понял? Если да – свободен! Нет? Поясню!

Иногда трезвление наступает быстрее, чем похмелка «соточкой» или рассольчиком из трехлитровой банки. Примерно так случилось и со «старлеем», услышавшим от капитана, встретившегося на пересыльном пункте в Ташкенте, что тот летит за речку второй раз.

– Уважаю, капитан! За что?

– А бывает – «за что»?

– Бывает! Я за это самое...

– Ничем не могу помочь! Держись!

– Давай «краба», капитан! Уважаю! Честно! Уважаю! – шатаясь, старший лейтенант с эмблемами скрещенных пушек протянул руку десантнику Бердникову.

– Хорошо, дружище, я постою, поразмышляю.

– Понял! Ухожу!

«Похоже, пора», – встряхнулся Александр, увидев, как от самолета, пыхнув черным выхлопом солярки, отъезжал заправщик. Экипаж Ил–76 завершал подготовку к вылету, закуривая в сторонке по сигарете. Для капитана Бердникова второй заход в Афган имел отличительные особенности: вместо конспектирования лекций в академии ему выдалась очередная возможность постигать военную науку не в учебных аудиториях, а в афганских горах и пустынях. Так требовала Родина! «Родина» в лице начальника политотдела 7-й гвардейской воздушно-десантной дивизии полковника Вышинского вызвала его в штаб соединения и, расположив с комфортом на воротнике кителя жирные щеки, сказала: «Надо, капитан Бердников! Надо!» Он ей – «Родине» – ответил: «Есть!», а в душе: «Твою мать!», пошел собирать «тревожный» чемоданчик.

Группа человек в тридцать убывающих в Кабул командированных гражданских лиц и военных поднялась по рампе на борт Ил–76. Экипаж нервно реагировал на сутолоку, создаваемую пассажирами, и бросал косые взгляды на них. Зная порядок посадки на борт «семьдесят шестого», Александр по рампе взбежал в грузовой отсек и сел на скамейку у иллюминатора. Было бы несправедливым не поглазеть с высоты на величественный отрог Памира – Гиндукуш. Именно в эти минуты, когда все решилось командой: «На посадку!», к нему вернулось ироничное

настроение, бодрость, кураж, прогнавшие сомнения, душевную усталость последних дней. Сработавшая в мозгу сигнальная система по принципу «триггера» вернула в состояние шестилетней давности – война!

Уснуть не пришлось. Приглядевшись к зашвартованному у кабины пилотов грузу, Александр обомлел – самолет был загружен бомбами, ящиками с боеприпасами, реактивными снарядами к БМ-21 и чем-то еще не менее взрывоопасным. Центральные сиденья убраны под боеукладку, поэтому те, кто оказался резким, как Бердников, устроились вдоль бортов на скамейках, остальные же пассажиры располагались на полу вместе с баулами.

Сорвавшись со старта, самолет стремительно понесся по «взлетке» навстречу ледниковым отрогам Тянь-Шаня. Преодолевая притяжение земли, оторвался от полосы и пошел в набор высоты. Вскоре «Ильюшин» вышел в эшелон и взял курс на Кабул.

Александр вспомнил полет через речку в декабре 1979-го. Тогда десантники Витебской 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии на армаде бортов военно-транспортной авиации вторглись в воздушное пространство Афганистана. Командуя разведывательной группой отдельной разведывательной роты дивизии, лейтенант-разведчик Бердников захватывал взлетно-посадочную полосу аэродрома Баграм, обеспечивая тем самым высадку передового отряда в составе парашютно-десантного батальона под командованием капитана Войцеховского.

Внизу четко обозначилась Амударья с пологим берегом на советской стороне, судами, уткнувшими носы в песчаные косы, и крутым афганским берегом, заросшим тополями с кронами, имевшими форму египетских пирамид. Мощные деревья служили дехканам стройматериалом, дровами, из них сооружались переходы через расщелины и ущелья гор, наводили мосты через реки. Деревья вырастали из нарезанных весной черенков, их втыкали в землю, поливали, и они тянулись к солнцу, превращаясь в тополиные рощи – «зеленки», доставляя хлопот советским бойцам при зачистке кишлачных зон. По системе хитроумно вырытых кяризов – подземных коммуникаций – вода поднималась на террасы, орошая культуры, выращиваемые населением испокон веков. Воспоминаний хватило б на целую жизнь! Оказывается, все эти годы они жили с Александром, тревожа ночами, возвращаясь явью – суровой, не забытой.

– Государственная граница Союза Советских Социалистических Республик, – торжественно возвестил через динамик командир корабля Ил–76.

ВСТРЕЧА С КАБУЛОМ

Александр уверенно спустился на бетонку аэродрома и, немного осмотревшись, словно старым друзьям улыбнулся вершинам Ходжа-Бугра и Ходжа-Раваш. На этих горных массивах в первые месяцы афганских событий Бердников, командуя разведывательной группой 80-й отдельной разведывательной роты 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, учился воевать.

С минарета ближайшей мечети раздался усиленный динамиком голос муллы – азан – призыв правоверных к намазу. Ничто не изменилось в мусульманском мире... Запах жареного мяса, скворчащего на противнях в бараньем жиру, заправленном специями, чумадые бачата, предлагавшие сигареты, зеленый насвай... Как это знакомо Александру, словно и не было шести лет расставания с Кабулом!

Уши заложило от взлетающих на бомбежку «грачей» – СУ–25, начиненных бомбами. Они шли на Хост для нанесения бомбо-штурмового удара по позициям боевого крыла племени джардан, прервавшего переговоры с командованием советских войск по деблокированию транспортной магистрали. Со слов отпускников, советские войска, и в частности 103-я гвардейская воздушно-десантная дивизия. 345-й гвардейский отдельный парашютно-десантный полк, в операции «Магистраль» несли большие потери.

Младшие командиры срочной службы, прибывшие в Афганистан из учебных подразделений Советского Союза, выстроились по соединениям ограниченного контингента. С ними по списочному составу разбирались кадровые службы дивизий и отдельных частей. «Мальчишки, совсем мальчишки!» - вздохнул Бердников. Хлопая удивленными глазами, они с восхищением смотрели на снежные вершины гор, искрившиеся в лучах утреннего солнца.

К пополнению неторопливо подошел подполковник.

– Товарищи, вы прибыли в расположение кабульского гарнизона, на территории которого дислоцируются части и соединения ограниченного контингента. Хочу быть понятным без прикрас и оговорок – вы прибыли на войну, где убивают, калечат, служат на заставах, ходят в рейдовые операции. Вам предстоит участвовать в боевых действиях и воевать с душманским сопротивлением, где не может быть места слабости духа, нытью и недобросовестному отношению к исполнению воинского долга. Понятно выражаюсь?

– Так точно! – ответила молодежь.

Очередная пара «грачей», взлетая, заглушила ревом реактивных двигателей слова офицера. Оторвавшись от полосы, штурмовики ушли в набор высоты и, развернувшись, двинулись на юго-восток – Хост!

– И последнее, товарищи, – подытожил подполковник, – кто чувствует, что не готов по разным причинам к участию в боевых операциях, кто сомневается в собственных силах или имеет другие, может быть, личные мотивы, прошу выйти из строя. Вернетесь в Союз, где дослужите срок воинской службы во внутренних округах нашей Родины. Никто вас не упрекнет, товарищи! Прошу указанным категориям выйти из строя.

Заинтересовавшись интригой, предложенной офицером, Бердников приостановился, вглядываясь в лица сержантов, прибывших для выполнения интернационального долга. С позиции, выбранной им между самолетом и строем младших командиров, взвешивающих все «за» и «против», Александр наблюдал реакцию необстрелянных юнцов. Им предстояло сделать выбор, не исключено – между жизнью и смертью. Выйдет ли кто-нибудь из строя? Не сломятся ли в последний момент или все, как один, выберут мужество? Строй не шелохнулся! Выбор сделан!

Попутная машина быстро довезла Бердникова к модулю штаба 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, который возглавлял Владимир Николаевич Пурин. Под его началом Александр служил в Союзе – в Алитусе.

– Товарищ гвардии полковник, гвардии капитан Бердников для дальнейшего прохождения службы прибыл! – отрапортовал Александр начальнику штаба дивизии.

Улыбнувшись, Владимир Николаевич приобнял за плечи стоявшего навытяжку комбата, с которого еще недавно «снял стружку» на занятиях по командирской подготовке, учениях, сборах.

– Здравствуй, здравствуй, Бердников! Чувствуется взгляд комбата! Поднаторел! – добродушные глаза Владимира Николаевича искрились неподдельной радостью. – Добрался как?

– Дорога известная, товарищ полковник!

– Действительно, о чем спрашиваю? Присаживайся, побеседуем!

Пурин указал на длинный стол, заваленный документами, склеенной скотчем картой – планом Кабула. Здесь же лежали графики, таблицы, схемы: возможно, недавно закончилось совещание с постановкой задач на боевые действия.

– А вы не изменились, товарищ полковник! – отметил Бердников, глядя на подтянутого, в повседневной форме начальника штаба соединения.

– Ничего в целом, нормально! Завершаю эпопею, комбат, осталось, как говорится, начать и кончить. Развяжемся с Хостом, и можно домой собираться.

Последняя фраза прозвучала с болью, отразив, вероятно, внутреннее состояние полковника Пурина, планировавшего боевые операции, проводимые воздушно-десантным соединением на территории Афганистана. Они следовали одна за другой и, по информации, имеющейся у Бердникова, не приносили успехов в достижении целей по уничтожению формирований противника.

После непродолжительной паузы Владимир Николаевич четко проговорил:

– Ситуация и реалии таковы, комбат: меняешь Борисова. Шахджой – уездный центр провинции Заболь. Место скажу тебе – жуткое! Без прикрас!

Пурин оценивающе прищурился, изучая реакцию капитана Бердникова.

– Я готов, товарищ полковник!

– Хорошо, что готов! Не стыдно будет командовать отдельным гарнизоном в полторы тысячи человек личного состава с приданной вертолетной эскадрильей, гаубичной батареей.

«Ничего себе! – подумал Александр, – лихо!»

– Это еще не все, дорогой! – усмехнулся Владимир Николаевич, давая возможность комбату переварить услышанное. – Батальон разделен на две неравные части. В центре провинции Заболь – Калате – находится усиленная артиллерией 7-я парашютно-десантная рота Смирнова. Помнишь, был у Борисова ротный?

– Так точно!

– Его подразделение с приданными средствами – реактивной установкой БМ–21 и гаубичным взводом – составляет отдельный гарнизон. Общее руководство осуществляет заместитель Борисова – Бортников. Офицер опытный, воевал в Анголе.

– Судя по наличию приданных средств, товарищ полковник, у «Калата» особая задача в борьбе с вооруженной оппозицией?

– Особая! – прищурился начальник штаба.

Пурин подошел к карте, висевшей на стенке конференц-зала, и отточенной указкой сдвинул шторку.

– В Калате дислоцируются оперативно-агентурные центры КГБ и ГРУ, добывающие информацию о моджахедах, караванных проводках, визуальной и агентурной разведке противника. Первые – внешнеполитическая разведка КГБ. Работает в основном на Москву, вторые – военная разведка Генштаба Вооруженных Сил. Занимается агентурным сопровождением

мероприятий спецназа в Шахджое – базовом гарнизоне батальона. Тем не менее не все просто и не все получается! Большие потери личного состава.

Прикурив от шикарной зажигалки. Пурин продолжил:

– Артиллерии Калата отводится роль прикрытия разведывательной деятельности оперточек и усиленной парашютно-десантной роты в целом. В случае необходимости – поддержка подразделений афганской армии при проведении ими операций в зоне ответственности провинциального центра. Это в общих чертах.

– Понял!

– Реально же заслуживающей внимания информации, получаемой «бородатыми», практически нет. Доклады подполковника Борисова свидетельствуют об отсутствии у спецназа успехов – потери следуют за потерями, а результат не устраивает ни Генштаб, ни армию. «Спеццы» обвиняют агентурную разведку в недостоверности информации, а резидент ГРУ в Калате валит все на «спецов», что, мол, те не умеют реализовывать полученную информацию. Понимаешь, что это значит?

– Понял, товарищ полковник! А «бородатые»?..

Владимир Николаевич улыбнулся.

– Что «бородатые»? Это «гэрэушники» разведцентра, отрастившие бороды для маскировки. Шахджой и Калат, как я уже сказал – мрачные места, Бердников! Смотри карту! С северо-запада степь прижата к пакистанской границе нисходящими отрогами Гиндукуша, с юго-запада – пустыней Регистан. Получается коридор. Через него в центральные провинции Афганистана «пробиты» караванные пути, позволяющие противнику аккумулировать большое количество оружия и боеприпасов. Представь себе: в течение суток на позиции роты Смирнова падает свыше двухсот реактивных снарядов, причем большая часть из них – с фосфорной начинкой. И все бы ничего – пообвыклись, но караваны идут в укрепрайон Сурхоган – оплот душманских формирований в провинции Заболъ. Из него моджахеды муллы Мадата – духовного лидера и полевого командира в одном лице – ведут боевые действия против твоего батальона и гарнизона в целом. С ними и будешь воевать, комбат!

Последние фразы начальника штаба дивизии определили ключевое значение командирской деятельности комбата Бердникова – и Александра бросило в озноб.

Прикурив очередную сигарету, Владимир Николаевич кивнул на карту.

– Видишь между Калатом и Шахджоем кусок территории в сто километров, контролируемый непримиримой оппозицией – злой, агрессивной. Подчеркиваю, Александр Владимирович, – непримиримой и агрессивной! Другой там не бывает – боевые пуштунские племена! Войне учатся с грудного возраста.

– Понял, товарищ полковник!

– Следовательно, тебе надо прикрыть магистральную трассу Кабул–Кандагар в зоне ответственности твоего гарнизона. Не торопись, оглядись! Исследуй разведкой всевозможные подходы к базовому лагерю. Обрати внимание на пойму реки Тарнакруд, имеющей высокие берега, покрытые «зеленкой» – хорошие подходы к лагерю со стороны Калата и Шахджоя.

– В чем заключается ближайшая задача группировки «Шахджой», товарищ полковник?

Пурин подошел к карте.

– Задача одна, комбат – бей душманов, караваны и сохрани людей! От твоего гарнизона до пакистанской границы всего-то ничего – восемьдесят километров полупустыни! Вдоль нее перевалочные базы, плюс укрепрайон, отвечающий у «духов» за проводку караванов с оружием. Из чего вытекает ключевая роль твоего гарнизона – бить противника имеющимися средствами!

– Опыт есть, товарищ полковник...

– Знаю! Поэтому и посылаю в Шахджой.

Уездный центр Шахджой находился на расстоянии 18 километров от местоположения гарнизона, постоянно подвергаясь нападениям и обстрелам моджахедов. Прикорнув под монотонную вибрацию вертолета, Бердников не сразу заметил в иллюминаторе огоньки, мелькнувшие снизу. Бортинженер подал сигнал «приготовиться» – идем на снижение. С креном на правый борт боевая машина провалилась прямо в овраг, очерченный линией крутого обрыва. Снижаясь на днище широкой расщелины, похожей на каньон, вертолет оказался ниже ее верхнего уровня метров на десять.

– Обалдеть, ребята! Что это? Это – Шахджой!

ЧЕРНАЯ МЕТКА

Сложным был регион дислокации гарнизона «Шахджой»! Находясь в отрыве от главных сил 40-й армии, он не всегда обеспечивался всем необходимым для автономной жизнедеятельности и выполнения боевых задач. Колонны приходили в Шахджой раз в три-четыре месяца. Для этой цели проводилась армейская операция при поддержке афганских подразделений. Колонна пробивалась через горы, душманские засады, минно-взрывные заграждения, теряла солдат, офицеров, технику. Приходила, разгружалась и снова возвращалась в Кабул.

До апреля 1985 года в провинции Заболь советских войск не было и боевые операции силами ограниченного контингента или афганской армии здесь не проводились. Небольшие подразделения Царандой (афганской полиции), оперативных групп ХАД (сил безопасности) осмеливались только на локальные операции для решения узконаправленных задач, но их результаты не влияли на привлечение на сторону правительства руководителей пуштунских племен. Это позволяло вооруженной оппозиции править бал в провинции Заболь, более того – создать мощнейший укрепрайон «Сурхоган». В нем сосредоточились отряды моджахедов, которыми руководил известный в регионе и за его пределами духовный лидер мулла Мадат. Мятежники успешно отражали атаки советских и правительственных войск, противостояли налетам тяжелой авиации, артиллерийским системам залпового огня.

Попытки разведгрупп 186-го отряда специального назначения ГРУ, входившего в состав гарнизона «Шахджой», исследовать район Сурхоган, приблизиться к его границам едва не окончились их гибелью. Усиленные колонны 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, прибывавшие из Кабула в Шахджой и Калат, пытались разнести рассадник душманского сопротивления системами залпового огня, но они также не принесли результатов. Укрепрайон «Сурхоган» находился всего лишь в пятнадцати километрах от Шахджоя, что позволяло душманам блокировать гарнизон и держать личный состав в напряжении. Поданным агентурных разведок ГРУ и КГБ, в укрепрайоне моджахедов было сосредоточено свыше десяти тысяч активных штыков. Пещеры оборудованы под склады для вооружения, боеприпасов, продовольствия, одежды,

запасов воды. «Сурхоган» был оснащен всем необходимым для боевых действий вплоть до радиостанций последнего поколения, укомплектован техникой, зенитным вооружением, медицинскими средствами, специалистами в области радиоперехвата и пеленгации.

Пролежавшая по берегу Тарнакрудыя дорога из Шахджоя в Калат расстоянием 90 км контролировалась советскими войсками не далее, чем на один-два километра от позиций заставных подразделений. Дальше хозяйничали душманы. Боевое крыло непримиримых пуштунских племен обеспечило деятельность местного исламского комитета, взявшего в руки политические, контрольные и судебные функции в провинции Заболь. Ситуация осложнялась тем, что в случае перекрытия моджахедами трассы Кабул – Кандагар нарушалась наземная связь афганской столицы с провинциями Кандагар, Гильменд, Фарах.

Большие промежутки между нашими заставами создавали опасность проникновения «духовской» разведки в стыки между позициями парашютно-десантных взводов. Минирование этих направлений носило вынужденный, но необходимый характер. Однако документально планы полей были оформлены небрежно, выставление мин сделано впопыхах, и к лету 1987 года командиры взводов и рот мало что знали об их точном положении на местности. В августе 1987-го начальник заставы старший лейтенант Аверьянов, опытнейший командир взвода 1977 года выпуска Рязанского воздушно-десантного училища, в третий раз прибывший в Афганистан, с прапорщиком тропосферной станции подорвались на минах в десяти шагах от траншеи заставного подразделения. Николай Николаевич Аверьянов был курсантом роты, которой в десантном училище командовал старший лейтенант Грачев. Да-да! Командир 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, впоследствии министр обороны России, который через год после вывода батальона в Кабул в сердцах скажет:

– Бердников, я Аверьянова тебе не прощу!

Батальонной разведке под командованием Алексея Черкасова комбат Бердников поставил задачи по работе на упреждение «духовских» атак и вычисление направлений, откуда моджахеды устраивали автородео по степи с нанесением ударов по гарнизону. Учитывая, что дальность полета снарядов составляла 6–8 км, «духи» корректировали огонь пусковых установок силами своей разведки, для чего высылали к позициям гарнизона корректировщиков, наводивших «эрэсы» по средствам связи на наш базовый лагерь. Зачастую роль наводчиков играли пастухи, подгонявшие стада верблюдов и баранов непосредственно к линии обороны заставных подразделений. Но офицерский состав батальона не имел опыта работы с разведкой противника: передвижения верблюдов, лениво пасшихся в зоне видимости наших застав, перемещение транспорта по магистральной трассе, с которой лагерь просматривался на всю глубину, не оставляли у командиров впечатления того, что противник нас контролировал, искал лазейки.

Деликатную деятельность тропосферной станции, подчиненной ГРУ, прикрывала 7-я застава под командованием старшего лейтенанта Курилова. Здесь же замполит роты старший лейтенант Смотров показал Бердникову свое изобретение. Рационализатор смонтировал в единый блок четыре вертолетные кассеты неуправляемых реактивных снарядов (НУРСов). Одна кассета снаряжалась тридцатью двумя НУРСами. Собранная система включала в себя, таким образом, боекомплект в 128 ракет, улетавших на расстояние свыше шести километров. Самодельная установка стреляла одиночными снарядами, несколькими выстрелами и залпом, от которого стонала степная пыль. Смотров продемонстрировал комбату залп самодельной

«катюши». Пуск! И огненные стрелы ракет, протаранив «зазевавшийся» «Хоттабыч», всполохами ушли на цель. Фронт сплошного поражения составил полосу в сотни метров, аналогичный заградительному огню артиллерии. Впечатлило!

Если бы «духи» решились на атаку, уцелеть в море огня шансов не оставалось. Через полтора месяца они атакуют ночью 7-ю заставу с рубежа кишлака Мастакуль, тяжело ранив в голову десантника. Залп самодельной «катюши» Смотровая накроет душманов. Затем последует залп осветительных ракет – гирлянды огней на парашютах высветят противника в открытой степи, которого десантники «доработают» штатным оружием заставы. «Духовская» атака захлебнется, противник понесет большие потери.

На обширной площадке между штабом батальона и узлом связи 186-го отряда специального назначения ГРУ было обычное рабочее движение: усиленная разведгруппа «спецов» бежала к вертолетной площадке для вылета на задание, в магазин шли солдаты, офицеры – приобрести вещи, напитки, бритвенные принадлежности. Солнце перевалило за вторую половину дня, что не снимало звенящей жары, от которой, казалось, плавилась мозги. Александр не сразу услышал источник завывания... У-у-о-о-у-у-у – бух-х-х... Взрыв!

– «Эрэсы!» В укрытие! – заорал стоявший рядом с Бердниковым начальник штаба батальона Николай Игнатов.

Оживленная площадка вмиг опустела. Люди бежали к ближайшим перекрытым щелям, вырытым вдоль спальных помещений личного состава, модулей спецназа.

– Николай, наблюдателей на пункт управления! Ко мне связиста с радиостанцией и картой! Быстро, – команды Бердников отдавал четко, но приходилось сильно напрягать голос.

Над головой завывало... Ближе легли! Пристреливаются, гады!

С двора штаба батальона Александр вбежал на крышу, где устроен выносной пункт управления артиллерией, приданной гарнизону. Резким движением Бердников крутанул ручку индуктора полевого телефона:

– Командира батареи на связь! Быстрее! Начальник гарнизона!

О-о-о-у-у-у... О-о-о-у-у-у... О-о-о-у-у-у – очередная серия реактивных снарядов. Бух-х-х! Бух-х-х! Бух-х-х!

– Рвутся у офицерской бани, товарищ капитан, – уточнил упавший рядом связист и протянул радиоданные с позывными должностных лиц гарнизона.

– Не отвлекайся! Наблюдай пыль, – обратился к сержанту Бердников.

– Вижу, товарищ капитан! Вижу! Вон!

Солдат грязной ручонкой показал на 7-ю заставу старшего лейтенанта Курилова. Рядом с ней были видны клубы поднятой пыли, крутившейся от сработавших снарядов, ушедших на цель.

Минуты через три на командном пункте собралась оперативная группа батальона.

– Почему не отвечаешь, капитан? – рыкнул Бердников в телефонную трубку на командира батареи Д–30.

Артиллерийский капитан доложил, что находился на огневой позиции, а телефон стоит у дежурного по батарее.

– Разберемся! Твоя задача уничтожить пусковую установку «духов», – комбат обходился без лишних слов.

– Есть! – ответил капитан. О-о-о-у-у-у... Бух-х-х!

– Неделет! Пять разрывов перед заставой артиллерии, – крикнул наблюдатель. Огонь переносят на артиллеристов.

– Связист, гарнитуру, – приказал Бердников сержанту.

Александр по связи вызвал начальника 7-й заставы Курилова.

– «Семерка», как слышишь? Прием!

– Слышу хорошо! Наблюдаю пыль с направления Басухейль! Разрешите реактивным?

– Работай на поражение! Огонь! Седьмая застава окуталась пылью от залпа реактивной установки Смотров. Шелест и огненные сполохи ракет ушли на цель, разорвавшись стеной километрах в трех от заставы. Комбату было трудно понять, насколько удачный залп, но дело не в этом – «духов» важно шкальнуть!

– Четыре взрыва по гребню хребта, товарищ капитан, – доложил наблюдатель.

Вздрогнула земля! Батарея Д–30 отработала залпом гаубичных орудий. Разрывы 122–миллиметровых снарядов гаубичной батареи вспахали солончаковую землю. Показалось – неделет. Неважно! «Духи» видят не хуже нашего, регистрируя ответный огонь гарнизона. Сработали с трех направлений на фронте километра в четыре. В атаке приняло участие, скорее всего, три-четыре установки, которые были видны по клубам поднятой пыли. Возможно, артиллеристы засекали больше, разберемся.

Пауза затянулась. Тишина. Отбой тревоги.

Бердников спустился на площадку, осмысливая первый обстрел гарнизона реактивными снарядами – черная метка, присланная «духами». Мулла Мадат перешел к активным действиям против советских войск. Но каковы его конкретные планы?

Такой информацией могли располагать только агентурные центры ГРУ и КГБ в Калате.

СУРОВЫЕ БУДНИ

Информация оперативно-агентурных центров КГБ и ГРУ, окопавшихся в Калате, содержала тревожный характер. Боевые отряды оппозиции, изменив тактику выжидания и частных «кусов», перешли к активным атакам советских войск. Обстановка была сложной. Вокруг провинции Заболь, примыкавшей степями и кряжами отдельных хребтов к Пакистану, сгустились тучи.

В среде полевых командиров пуштунских отрядов и старейшин племен выдвинулись лидеры новой формации, которые исповедовали идеологию радикального ислама. Одни из них заявили себя религиозными служителями и проповедовали рождение новой боевой силы, выстроенной на религиозной основе. Другие – полевые командиры, возглавив эту силу, повели ее воевать за, чистоту исламской веры.

Мулла Мухаммед Омар, получивший в боях с «шурави» под Кандагаром четыре ранения, формировал из учеников медресе в Пакистане отряды исламских фанатиков. Идею духовного лидера и полевого командира в одном лице подхватило ЦРУ, курирующее афганскую тему, и направило ее острие на ограниченный контингент советских войск в провинциях Заболь и Кандагар. Захвату Калата моджахеды придавали особое значение.

Провинциальный городок Калат с населением в четыре с половиной тысячи человек играл не последнюю роль в советском присутствии в провинции Заболь. Раскинувшись в степной

равнине среди мандехов и речушек, образованных дождями, он снискал себе самую дурную славу на завершающем этапе афганской войны.

Подразделения Царандой, оперативной группы ХАД, входившие в состав военного гарнизона «Калат», выполняли охранные функции объектов властных структур, практически не занимаясь борьбой с моджахедами. Как и структуры афганской государственной власти, они располагали информацией о процессах и намерениях исламского комитета, полевых командиров, но адекватных мер по их уничтожению не предпринимали, понимая, что это обернется бедой. Они смотрели в будущее! Афганское военное командование городка, лавируя между собственной властью, «шурави» и верхушкой исламского комитета, делилось, конечно, с нашими разведцентрами в Калате информацией о «духах», но, к сожалению, она носила несущественный, а зачастую и недостоверный характер.

К весне 1987 года вокруг провинциального центра сложилась серьезная военно-политическая обстановка, прежде всего, в силу давления извне – Пакистана. Оперативные центры советских разведок, находившиеся на самой окраине Калата, оказались под прямым ударом противника, рискуя быть захваченными или уничтоженными. В этих условиях командованием 40-й армии были предприняты шаги на усиление их прикрытия частью сил 3-го парашютно-десантного батальона 317-го гвардейского парашютно-десантного полка. Таким образом, в первой декаде апреля 1987 года по прибытии из Кабула в Шахджой группировки 103-й гвардейской воздушно-десантной дивизии из состава батальона было выведено одно подразделение и направлено в Калат. С этого момента 7-я парашютно-десантная рота под командованием гвардии капитана Смирнова, заместителей по боевой подготовке – Владимира Бурмистрова, политической части – Валерия Реутова, командиров взводов – Сергея Тарасова, Сергея Пономарева, Александра Дюкова, проявив мужество и отвагу, вписала яркие страницы в героическую историю афганских событий.

Рота сразу же приняла на себя удар душманских формирований. Редкими днями на Калат и позиции роты не летели снаряды, не предпринимались попытки атак противника. Десантники гвардии капитана Смирнова, прикрыв оперативно-агентурные точки КГБ и ГРУ, вертолетную площадку, используемую шахджойским авиаотрядом для поставки грузов и разведгрупп «спецов», успешно отражали душманские атаки. Противник ничего не мог с ней поделать, засыпая позиции сотнями реактивных снарядов. Забегая вперед, скажу, что, по информации разведцентра ГРУ, за год пребывания 7-й роты в Калате на ее позиции и окрестности упало свыше двадцати четырех тысяч реактивных снарядов, пятая часть из них была с фосфорной начинкой.

Общее командование тактической группой в Калате было возложено на Виктора Васильевича Бортникова, бывшего до прибытия в Афганистан советником в Анголе. Боевой опыт, приобретенный в Африке, послужил матерому майору добрым подспорьем в создании единой системы обороны, охватившей область боевых задач и жизнедеятельность личного состава.

Гарнизон ожидал очередную колонну из Кабула. Ее проводка в Шахджой и Калат в конце июля 1987 года для полевых командиров душманских отрядов не явилась секретом по многим причинам. Утечка информации из штабов афганской армии после согласования этапов операций с нашим командованием, алгоритм поставок материальных запасов, привлечение в колонну сил и средств не вводили в заблуждение душманов относительно намерений советских войск. Едва колонна, преодолев окраину Кабула, выходила на Газнийскую трассу, противник по структуре

«ниточки» делал выводы, что цель многокилометровой колонны «шурави» – поставка воинских запасов гарнизону «Шахджой». Других воинских частей ограниченного контингента до Кандагара не было. Информация по средствам связи проходила по маршруту движения колонны, и с этого момента «ниточка» подвергалась атакам противника. Проезжая часть и обочины дорог минировались радиоуправляемыми фугасами, минно-взрывными способами устраивались завалы, выставлялись засады. Из хитроумно расставленных ловушек получался такой «винегрет» – небо меркло в глазах.

Начальник штаба капитан Игнатов, уточнив систему обороны лагеря с учетом активности противника в районе Шахджой, прикидывал минирование стыков между заставами и перекрытие опасных направлений, которые могли быть задействованы противником для нападения на лагерь. Разведчики Алексея Черкасова должны были страховать «ниточку» от «духовской» разведки и корректировщиков огня, которые, скорее всего, будут выходить к колонне с направления Шахджой и Газни.

– Не засиделась ли наша разведка, Николай? – обратился Бердников к начальнику штаба батальона.

– Работаем, анализируем. Зацепиться пока не за что, но фильтруем местность до разбитых кишлаков, где есть, по моей оценке, удобные места для засад. Смотри, комбат, – кивнул на местность Игнатов, – Ашникалай, Гаджой, Карабаги – разбитые дувалы населенных пунктов выходят к дороге. Кяризы, мандехи – неглубокие, но удобные для скрытых маневров к «ниточке».

– Понятно. Отработай связь с Черкасовым, – обратился комбат к Игнатову.

– Я думаю завтра его отправить к абрикосовой роще Мастакуль, от нее – к твоим кишлакам. За последнее время с того направления «духи» дважды работали по тропосферной станции. Не пристрелялись бы! Мало не покажется! Будешь у Горбунова и Курилова – вникни в прикрытие «тропосферки».

– Принято, Александр Владимирович. Озабоченный Игнатов убыл в штаб батальона для решения вопросов безопасности гарнизона, а через несколько минут к Бердникову осторожно вошел Алексей Черкасов.

– Товарищ капитан, извините! Информация следующего порядка. Из засады вернулась группа «спецов»... Все бы ничего, но... потеряли бойца!

– Как «потеряли бойца»?

– Вернулись на базу, глядь, а солдата нет.

– Оставили?

– Похоже.

– Сдается мне, Черкасов, «духи» работают втихую: «вылущивают» разведку «спецов» и берут тепленькими, – голос Александра дрогнул. – Или опровергни мои печальные выводы, или я прав.

– М-да-а...

– Работаешь, Алексей, тенью. Иначе сожрут! Уходишь сегодня в ночь.

– Есть, товарищ капитан! – зафиксировал руку у козырька начальник разведки батальона и пошел готовить разведгруппу к выполнению боевой задачи.

Акцентированные командиром дивизии генералом Грачевым задачи по встрече колонны из Кабула выполнялись комбатом Бердниковым в соответствии с утвержденным штабом армии

планом. Батальонная разведка под командованием гвардии капитана Черкасова каждую ночь вела наблюдение за ближайшими кишлаками, устраивала засады в жилищах, дувалах, виноградниках, на скрытых выходах к трассе. Черкасов работал на упреждение.

Противник же выжидал. Принюхиваясь к лагерю, «духи» не оставляли вокруг него следов, запаха или признаков, говоривших об их тайных посещениях ночами.

Из головы Александра не выходил солдат отряда «спецов», исчезнувший с места расположения засады. Подался к «духам»? Может... оставили? Без огневого контакта с противником? Вряд ли... Утащил «субакадори джанг» – «духовский» спецназ исламистов–смертников? Солдата искали через агентурную разведку, пастухов, местных жителей, рискуя в поисках потерять кого-нибудь еще. Оставались вопросы, на которые у Бердникова не было ответов, поэтому батальонной разведке он придавал особое значение. Отправляя в очередной поиск группу Черкасова, комбат наставлял его из опыта первого Афгана:

– Слушай ночь, Алексей, ее дыханье, запахи! Не торопись, временем не ограничиваю. Понюхай воздух, полежи в степи, расслабься и следи за тылом. Убедившись в отсутствии вокруг себя опасности, иди вперед. «Духи» спокойные, взвешенные, разговаривают громко и в жилищах, и вне кишлаков. Ощущение ими боязни, опасности лежит у них в плоскости иного восприятия действительности, нежели у нас. Это исходит из образа жизни, ментальности, особенностей психики и сознания, не подверженного, к примеру, как у нас с тобой, реакции на страх. Чувство опасности воспринимается ими иными критериями, проявляясь признаками другого порядка. То, что вызывает естественное опасение у нас, ими может восприниматься с улыбкой, и наоборот. Их инстинкты, рефлексы побуждают к поступкам, которые с точки зрения нашей логики непонятны и непредсказуемы для принятия ответных решений. Понимаешь, о чем говорю?

– Понимаю, товарищ капитан! – кивнул задумчиво Черкасов.

– Поэтому при выполнении боевой задачи, Алексей, никогда не исходи из точки зрения своих предпочтений и сложившейся практики, – наставлял Бердников капитана Черкасова после паузы, – не ставь себя на место «духов». В этом кроется страшная ошибка в развитии дальнейших событий. Душманы видят ситуацию иными глазами, под другим углом зрения, и, что важно, мысли их текут в голове вместе с сурами и аятами Корана, выстраиваясь по ведомым только им законам. А цена нашей ошибки – жизни солдат. Твоей тоже, Алексей. Помни об этом!

– Помню, товарищ капитан!

Задача батальонной разведки была несложной – выйти километра три к предгорью, увидеть, оценить, наметить и вернуться назад. Сколько таких выходов сделано? Трудно сказать... Но в этот раз разведчики принесли изюминку – они «нащупали» площадку для пуска реактивных снарядов. Направляющими для запуска «эрэсов» «духи» использовали куски старого шифера и рогатины из сучков дерева, смотревшие на «Шахджой».

– Душманы в процессе подготовки массированного нападения на гарнизон вышли на финишную прямую, – доложил по возвращении на заставу Черкасов.

ТАМ, ГДЕ НЕБО КАСАЕТСЯ ГОР

Площадка душманов, обнаруженная Черкасовым, не одна из них по периметру лагеря несколько, и служат они для пуска реактивных снарядов с целью максимального эффекта атаки на

гарнизон, дабы исключить поднятие в воздух авиации. Задача противника – вызвать шок и атаковать 7-ю заставу с тропосферной станцией.

Если выводы капитана Черкасова и его разведчиков верны, то к полуночи «духи» вылезут из нор и выйдут на исходные рубежи, которые облюбовали на подступах к гарнизону. Их действия можно считать подготовительной акцией к решающей атаке на заставу с целью уничтожения станции тропосферной связи, но Бердников также не исключал, что готовившаяся операция моджахедов имеет более глубокий и стратегический характер – с направлением на гарнизон. В любом случае на острие атаки оказывается заставка старшего лейтенанта Курилова: атаковать гарнизон с уничтожением авиаотряда можно только в случае, когда десантники лишены возможности ударить душманов стыла. Тактика проста.

Бердников собрал офицеров батальона и личный состав 7-й заставы.

– Признаться, возлагаю надежду на самодельную «катюшу» старшего лейтенанта Смотрового. Ошарашив «духов» огневой мощью и нанеся поражение их визуальной разведке, мы заставим врага отказаться от своих намерений. Отработаем по противнику в полночь.

Светопреставление началось с залпа в десяток «нурсов». Огненные стрелы осколочных снарядов, пронзив густую темноту южного неба, пошли на цель под номером один – «духовскую» площадку для пуска реактивных снарядов, обнаруженную разведчиками Черкасова. Зловеще шелестели исходящие из стволов блоков снаряды, всполохом пламени озарился горизонт.

– Курилов, перенос огня на цели три и четыре!

– Есть!

Несколько секунд технической паузы, которые заняли для перевода «катюши» на подготовленные цели, – и новый залп потряс заставное подразделение, отправив на душманские тропы порцию осколочных «карандашей». Сосредоточив внимание на огненных стрелах, ушедших на цель снарядов, комбат с удовольствием отметил отблески взрывов километрах в четырех от заставы.

– Цели пять и шесть! Перезарядка блоков! – скомандовал Курилов.

Зрелищная ночная атака поразила воображение внешним эффектом полыхавшего пламени, исходившего от маршевых двигателей реактивных снарядов. Придуманная рационализаторской сметкой замечательного офицера Смотрового, они не только уничтожали противника на больших площадях, но и психологически оказывали на него подавляющее действие.

Десантники опередили «духов» всего на несколько минут, сорвав их заранее подготовленную атаку.

С новым начальником штаба 186-го отряда специального назначения ГРУ Сергеем Кочергиным, прибывшим по замене из Союза, у капитана Бердникова сложились теплые отношения, позволившие выстроить слаженные действия батальона десантников с разведчиками ГРУ. С командиром отряда подполковником Нечитайло сохранялись неплохие контакты, встречались, обсуждали, но с Сергеем, на котором замыкалась мозговая работа боевой деятельности «спецов», комбат сотрудничал в полном объеме. Час назад он проинформировал Александра о выходе к Мукуру их разведывательных групп, успешно блокировавших опасные участки трассы Газни–Калат–Кандагар. При восхождении на хребет огневому воздействию противника подверглась рота капитана Горошко. Обошлось без потерь. Разведчики спецназа успешно заняли указанные рубежи.

Вертолетная эскадрилья капитана Горбенко «отутюжила» коридор прохода колонны, работая бортовым оружием по моджахедам, перемещавшимся от пакистанской границы в глубинные уезды провинции Заболъ. «Духи» озверели в желании ударить по колонне и сбить с блокпостов вцепившийся в скалы спецназ.

– Тяжело, Александр Владимирович, на «блоках», ох, тяжело! – сокрушался вечером у комбата в комнатухе начальник штаба «спецов» Кочергин, с жадностью глотая «Боржоми». – Жмут, собаки!

Сергей – выпускник 9-й роты воздушно-десантного училища 1977 года, вдумчивый парень, мыслит грамотно и взвешенно. Бердников сдружился с ним. Без лишних глаз и ушей оговаривали совместные действия батальона и спецназа ГРУ.

Александр насторожился, увидев бегущую к вертолетам группу разведчиков спецназа.

– Быстрее! Быстрее! – кричал начальник разведки отряда командиру группы.

– Что случилось, Ястребов? – комбат окликнул капитана, ведавшего разведкой спецназа.

– «Духи» обложили Горошко и обработали из безоткаток – один убитый, двое раненых.

Летим вытаскивать!

– Все же укусили! Нечитайло на ЦБУ?

– Да! Морщат лбы с Кочергиным!

– Вызывайте фронтową авиацию! «Грачи» отработают и собьют спесь с «духов»! Увеличьте вылеты армейской авиации – «грузите» их, «грузите», Ястребов!

«Обстановка на блокпостах становилась все напряженнее. «Спецы» понесли потери, но выдержали бы «духовские» атаки мои десантники? Не сбили бы их с «блоков»? Бойцов надо тренировать и тренировать! Отправлю колонну в Кабул и все силы брошу на подготовку общевойскового боя», – рассуждал Бердников.

Выполнение боевых задач на заставах принципиально отличалось от тактики, применяемой в боестолкновениях с противником в горах, пустынях, населенных пунктах. Соответственно, и подготовка бойцов имела разные формы и методы совершенствования боевого мастерства. В первую очередь – в горах. Без соответствующего опыта и тренировок, приближенных к боевым, сложно или невозможно оценить обстановку в скалах, расщелинах, нагромождениях камней, валунов. В особенности при завязке боя, когда необходимо за несколько секунд понять, что происходит вокруг, оценить, принять мгновенное решение и реагировать. Промедление – смерть!

Спецназ ГРУ поверхностно владел тактикой общевойскового боя, но за его плечами были выходы в поиск, засады, что шлифовало специфические навыки: скрытое выдвижение, сближение с противником, занятие выгодных позиций, перемещение от укрытия к укрытию. Они сполна понюхали пороха, часто слышали свист пуль, что адаптировало психику к условиям смертельного риска.

Деятельность десантников Бердникова ограничивалась линией траншей, опоясывавших заставные подразделения по периметру. Ширина или длина площадки заставного подразделения, на которой решались боевые дела, кое-где не превышала тридцати метров. В пределах сжатой географии застав сложно учить бойцов воевать с опытным и коварным противником. Поэтому командиру необходимо сломать стереотип пассивной заставной деятельности – такую задачу ставил комбат перед десанниками.

К слову, пройдет всего лишь девять месяцев, и генерал-майор Грачев парашютно-десантному батальону Бердникова присвоит статус «быстрого реагирования» и бросит в горы под Суруби на вывод из Афганистана Джелалабадской группировки советских войск. Через неделю после успешного выполнения поставленной задачи батальон опять ринется в боевые действия, оседлав высокогорный перевал Тир, под жестким огневым воздействием «духов» выведет в Кабул гардезский и газнийский гарнизоны ограниченного контингента. После чего девятью заставами прикроет столицу Афганистана с южного направления вдоль «зеленки» русла реки Логар. В этих боях многие десантники получают ранения, контузии, но все вернутся домой живыми! Сохранить жизни солдат и офицеров удалось, вне сомнения, за счет навыков, полученных ими в суровых тренировках, устроенных комбатом Бердниковым в Шахджое. А в феврале 1989 года батальон, уверенно выполнив боевую задачу по прикрытию дивизиона оперативно-тактических ракет «Скад», в зимних условиях преодолет Саланг и через весь Союз прибудет в Витебск на место постоянной дислокации.

Но все это будет позже... А сейчас «вертушки» с ранеными отряда «спецов» и погибшим бойцом, подкравшись к Шахджою вдоль русла реки, подрулили к стоянке. Мокрому от пота командиру звена, только что совершившего посадку на Ми-24, Бердников пожал руку.

– Как там, Никитюк?

Парень присел на разбитый ящик и, сняв гермошлем, выдохнул:

– Стреляют со всех сторон, только крутись! Этих, – кивнул на раненых солдат, лежавших на носилках, и тело завернутого в палатку спецназовца, – едва вытащили. Лупят и лупят!

– Как «спецы»? – Держатся!

– Отдыхай, дружище! Махни по стакану с ребятами – и спать! С утра надо быть свежими. Встречаем колонну.

– Угу! – прикрыл глаза вертолетчик, мысленно еще долбивший «нурсами» рыскавших в скалах душманов.

«Досталось парням!» – подумал Александр, подходя к раненым. Грязные, небритые лица ребят с желто-пепельным налетом выражали мучительную боль от ран, полученных от разрыва гранаты безоткатного орудия. Осколков от нее немного, но они большие, скрученные, часто наносят тяжелые раны, несовместимые с жизнью. Но парням повезло – жить будут!

– Ну что, доктор? – присел комбат возле раненых, оценивая их состояние. – Быстро в санбат! Готовим к операции! – сказал капитан медбратьям.

– Этих, Александр Владимирович, залатаем, еще повоюют, а тому, увы, не поможем...

«Прощай, дружище! Прощай! На Родину – домой!» – произнес про себя комбат последний монолог погибшему солдату. И уже вслух:

– Строим войска! Проводим героя в последний путь.

Батальон, за исключением дежурного наряда, был выведен на площадку для проведения траурного митинга. Тело спецназовца, завернутое в широкую, метра в полтора, металлическую фольгу, лежало перед строем. Справа от батальона выстроился спецназ, потерявший бойца, слева – летчики эскадрильи с ротой аэродромно-технического обеспечения.

Траурный митинг командир 186-го отряда специального назначения ГРУ подполковник Нечитайло открыл взвешенным обращением: «Боевые друзья!» Командир погибшего в бою солдата не говорил длинной и закрученной речи. Выступление было близким бойцам всех

национальностей и вероисповеданий. Главный тезис его заключался в выполнении воинского долга, обороне советского государства.

Затем выступил Бердников.

– Товарищи! Сегодня мы прощаемся с солдатом, выполнявшим воинский долг до последнего дыхания! Ушел из жизни боец спецназа, защищавший с оружием в руках интересы Родины за рубежом. Нам еще воевать, идти вперед и бить душманское отребье по всему Афганистану. Мы все равно победим! Здесь! И где бы то ни было! Почтим память о боевом товарище минутой молчания...

После выступления гарнизон прошел у тела бойца, отдав ему воинские почести. Ночью будут «вертушки». Погибшего солдата и сопровождавшего его офицера спецназа отправят в Кандагар, а затем они – два боевых товарища – полетят маршрутом «Черного тюльпана» домой...

Жизнь вместе с тем продолжалась. Пора встречать колонну из Кабула. По последней информации по радиостанции, она уже миновала «блоки», выставленные под Мукуром спецназом ГРУ гарнизона «Шахджой».

В. МАРЧЕНКО